

Московско-Курской ж.дор.
станция Будановка.

28 января 1879 г.

Тысячу раз спасибо Вам, дорогой Николай Николаевич, за любезную присылку «Критики разума», а еще более любезные строки, полученные сегодня с книгой. Очень приятно было мне одновременно с Вашим

---

* внутреннюю сущность без сущности явленной (*лат.*).

письмом получить от старинной приятельницы из Висбадена другое¹, в котором она пишет: «и перевозили меня тогда больную, а я все повторяла в уме Ваше *«Alter ego»*; все Ваша лилея гляделась в нагорный ручей—и с этим я пережила весну». Такие отзывы с совершенно противоположных сторон свидетельствуют, что это правда, а не сочиненная за кофеем штука.

По милости Вашей кабинет мой представляет какую-то книжную слесарню. Столько навалено книг, что не успеваешь оглядываться.

Я уже начал понемногу переводить, и это очень весело. Надо усердно бороться с текстом. Теперь будьте великодушны и слушайте смиренно, а затем говорите. Шопенгауэр поймал, так сказать, логику бытия, которую, как Вам известно, назвал (если память не изменила—так как эта книга у Толстого)—4 fache Wurtzel des Satzes for Zumichenden Grunde². Эти корни, как он их называет: время, пространство, причинность, а 4-го, хоть убейте, не помню. Написал Борисову купить, и перечту. Тем не менее Шопенгауэр то и дело ссылается на это сочинение и для краткости называет его Der Satz von Grunde.

По зрелом размышлении я перевел это название—*«Положение об основании»*. Слово Satz здесь имеет то самое значение, которое в математике имеет «теорема», в противоположность или отличие от «аксиомы». В логике я не знаю более соответственного слова как «положение», и если бы переводить весь титул книги, следовало бы перевести: «4 корня положения о достаточном основании» (подразумевая—к бытию).

Если бы Шопенгауэр хотел сказать более грубое и частное: «о достаточной причине», то не затруднился бы словом Ursache*. Вот мои основания к такому переводу положения об «основании», а не об «основах» даже; ибо *достаточное основание* бывает, а *достаточной основы* не бывает. Основа бывает или крепкая, или гнилая и т. д., ибо она вещь, помен, а основание—пипен**. Напишите, прав ли я?

Дорого мне, чтобы Вы с Толстым одобрили мои стихи, а остальные—как хотят.

Случевский³ был далеко не без таланта.

«В снегах» не читал, да и где я могу что прочесть, хотя бы на весу.

---

* Причина (нем.).

** Букв.: имя и знак (лат.).

Помню, в моей азбучке стояло: говори всегда правду и никогда не лги.

Поэтому, наперекор приличию, наперед объявляю Вам: если Вы весной минуете Воробьевку, то на Ваш счет будут раздаваться энергические выражения.

Я застал Толстого заваленного всякого рода источниками того времени³ и думаю, что он теперь там, а потому ответа скорого и не жду. Позвольте мне быть Вам должным за Канта до свидания, как помню, 3 руб. 80 коп., хотя имею возможность уплатить эти деньги в Питере через боткинського поверенного, но, право, это много шуму из ничего. Не продается ли какой из драгоценных камней, как Вы их величаете.

Сегодня утром, по получении Вашего и заграничного письма, написал стихотворение, которое прилагаю на цензуру*.

Жена нашла в газетах смерть Мстислава Викт. Прахова, уж не поэт ли?

Оба мы и Александр Иванович⁵, ныне уехавший в воронежскую деревню, усердно Вам кланяемся. Пожалуйста, поменьше мыкайтесь и почаще радуйте строками.

Ваш А. Шеншин.

---

* Далекий друг, пойми мои страданья⁶,
Ты мне прости болезненный мой крик,
С тобой цветут в душе воспоминанья,
И дорожить тобой я не отвык,

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красотой не жертвовали мы.

Где ж это все? Еще душа пылает,
По-прежнему готова мир обнять.
Напрасный жар. Никто не понимает.
Воскреснут звуки и замрут опять.

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.

28 января 1879

4-й куплет

Одна лишь ты. Высокое волненье
Издалека мне голос твой принес.
В ланитах кровь и в сердце вдохновенье.
Прочь этот сон, в нем слишком много слез!